

Иван Сергеевич Тургенев

**<Воспоминания о
Шевченке>**

Иван Сергеевич Тургенев

<Воспоминания о Шевченке>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22121433

Аннотация

«...Милостивый государь! Намереваясь издать полное собрание сочинений Т. Г. Шевченка, вы желаете, чтобы я сообщил вам несколько подробностей о нем. С охотой исполняю ваше желание, хотя должен предупредить вас, что я познакомился с народным поэтом Малороссии незадолго до его кончины и встречался с ним довольно редко...»

Воспоминания о Шевченке

Милостивый государь!

Намереваясь издать полное собрание сочинений Т. Г. Шевченка, вы желаете, чтобы я сообщил вам несколько подробностей о нем. С охотой исполняю ваше желание, хотя должен предупредить вас, что я познакомился с народным поэтом Малороссии незадолго до его кончины и встречался с ним довольно редко.

Первое наше свидание произошло в Академии художеств, вскоре после его возвращения в Петербург, зимою, в студии одного живописца, у которого Тарас Григорьевич намеревался поселиться. Я приехал в Академию вместе с Марьей Александровной Маркович (Марко Вовчок), которая незадолго перед тем тоже переселилась в нашу северную столицу и служила украшением и средоточием небольшой группы малороссов, съютившейся тогда в Петербурге и восторгавшейся ее произведениями: они приветствовали в них – так же как и в стихах Шевченка – литературное возрождение своего края. Вы лучше меня знаете, какой оборот всё это приняло впоследствии. В студии художника, куда мы прибыли с г-жою Маркович, уже находилась одна дама (тоже малороссиянка по происхождению), которая также желала увидеть Тараса Григорьевича, – г-жа Кар – ская; в ее доме по вечерам часто собиралась та группа, о которой я говорил; и Шевченко, познакомившись с г-жою Кар – ской, стал по-

сещать ее чуть не каждый день. Мы прождали около часу. Наконец явился Тарас Григорьевич – и, разумеется, прежде чем кого-либо из нас, приветствовал г-жу Маркович: он уже встречался с нею, был искренно к ней привязан и высоко ценил ее талант. Широкоплечий, приземистый, коренастый, Шевченко являл весь облик козака, с заметными следами солдатской выправки и ломки. Голова остроконечная, почти лысая; высокий морщинистый лоб, широкий, так называемый «утиный» нос, густые усы, закрывавшие губы; небольшие серые глаза, взгляд которых, большей частью угрюмый и недоверчивый, изредка принимал выражение ласковое, почти нежное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голос несколько хриплый, выговор чисто русский, движения спокойные, походка степенная, фигура мешковатая и мало изящная. Вот какими чертами запечатлелась у меня в памяти эта замечательная личность. С высокой бараньей шапкой на голове, в длинной темно-серой чуйке с воротником из черных мерлушек, Шевченко глядел истым малороссом, хохлом; оставшиеся после него портреты дают вообще верное о нем понятие.

Нам всем, тогдашним литераторам, хорошо было известно, какая злая судьба отяготела над этим человеком; талант его привлекал нас своею оригинальностью и силой, хотя едва ли кто-нибудь из нас признавал за ним то громадное, чуть ли не мировое значение, которое, не обинуясь, придавали ему находившиеся в Петербурге малороссы; мы приняли его с

дружеским участием, с искренним радушием. С своей стороны он держал себя осторожно, почти никогда не высказывался, ни с кем не сблизился вполне: всё словно сторонкой пробирался. Он посетил меня несколько раз, но о своей изгнаннической жизни говорил мало; лишь по иным отрывочным словам и восклицаниям можно было понять, как солоно она пришлась ему и какие он перенес испытания и невзгоды. Он мне показал крошечную книжечку, переплетенную в простой дегтярный товар, в которую он заносил свои стихотворения и которую прятал в голенище сапога, так как ему запрещено было заниматься писанием; показал также свой дневник, веденный им на русском языке, что немало изумляло и даже несколько огорчало его соотчичей; рассказал свои комические отношения с двумя-тремя женами киргизов, бродивших около места его заключения, – и сознался в вынесенном им оттуда пристрастии к крепким напиткам, от которого он уже потом до самой смерти отвыкнуть не мог.

Собственно поэтический элемент в нем проявлялся редко: Шевченко производил скорее впечатление грубоватого, закаленного и обтерпевшегося человека с запасом горечи на дне души, трудно доступной чужому глазу, с непродолжительными просветами добродушия и вспышками веселости. Юмора, «жарта» – в нем не было вовсе. Только раз, помнится, он прочел при мне свое прекрасное стихотворение «Вечір» («Садок вишневий...» и т. д.) – и прочел его просто, искренне; сам он был тронут и тронул всех слушателей:

вся южнорусская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя, бившая в нем, тут ясно выступила на поверхность.

Самолюбие в Шевченке было очень сильное и очень наивное в то же время: без этого самолюбия, без веры в свое призвание он неизбежно погиб бы в своем закаспийском изгнании; восторженное удивление соотчичей, окружавших его в Петербурге, усугубило в нем эту уверенность самородка-поэта. Во время своего пребывания в Петербурге он додумался до того, что не шутя стал носиться с мыслью создать нечто новое, небывалое, ему одному возможное, а именно: поэму на таком языке, который был бы одинаково понятен русскому и малороссу; он даже принялся за эту поэму и читал мне ее начало. Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые из всех написанных им, – бесцветное подражание Пушкину.

Читал Шевченко, я полагаю, очень мало (даже Гоголь был ему лишь поверхностно известен), а знал еще меньше того... но убеждения, запавшие ему в душу с ранних лет, были неколебимо крепки. При всем самолюбии в нем была неподдельная скромность. Однажды на мой вопрос: какого автора мне следует читать, чтобы поскорее выучиться малороссийскому языку? – он с живостью отвечал: «Марко Вовчка! Он один владеет нашей речью!» Вообще это была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломанная судьбою, простолюдин, поэт и патриот. У г-жи Кар – ской находилась в услу-

жении девушка малороссиянка, по имени Лукерья; существо молодое, свежее, несколько грубое, не слишком красивое, но по-своему привлекательное, с чудесными белокурыми волосами и той не то горделивой, не то спокойной осанкой, которая свойственна ее племени. Шевченко влюбился в эту Лукерью и решил жениться на ней; Карские сначала диву дались, но кончили тем, что признали ее невестой поэта и даже начали делать ей подарки и шить приданое; с своей стороны Шевченко усердно готовился к свадьбе, к новой жизни... Но Лукерья сама раздумала и отказала своему жениху. Ее, вероятно, запугали уже немолодые лета Шевченка, его нетрезвость и крутой нрав; а оценить высокую честь быть супругою народного поэта она не была в состоянии. Я несколько раз видел Шевченка после его размолвки с Лукерьей: он казался сильно раздраженным.

Оканчивая этот небольшой очерк, я припоминаю еще один факт из ссылочной жизни Шевченка, делающий честь тогдашнему главному начальнику Оренбургского края, В. А. Перовскому. Шевченко, как известно, был в молодости довольно замечательным пейзажистом; в крепости ему было запрещено не только писать стихи, но и заниматься живописью. Какой-то чересчур исполнительный генерал, узнав, что Шевченко, несмотря на это запрещение, написал два-три эскиза, почел за долг донести об этом Перовскому в один из его приемных дней; но тот, грозно взглянув на усердного доносителя, значительным тоном промолвил: «Генерал, я на

это ухо глух: потрудитесь повторить мне с *другой* стороны то, что вы сказали!» Генерал понял, в чем дело, и, перейдя к другому уху Перовского, сказал ему нечто, вовсе не касавшееся Шевченка.

Вспоминается мне также, что он, живя в Академии, занимался гравированием на меди посредством острой водки – офорт – и воображал, что открыл нечто новое, какой-то улучшенный способ в этом искусстве.

Вот всё, что я имею сказать о нем.

Я чувствую сам, как малы и ничтожны эти сведения; но в числе прочих и они могут принести свою относительную пользу.

Примите и т. д.

Ив. Тургенев